

В.А. Прищепова

РАХМАТ РАХИМОВ — СОБИРАТЕЛЬ КОЛЛЕКЦИЙ ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА

В МАЭ хранятся четыре вещевые коллекции по этнографии народов Средней Азии и Афганистана, собранные Рахматом Рахимовым (колл. № 6710 — 14 предметов, № 6824 — 42 предмета, № 6935 — 269 предметов, № 7181 — 7 предметов).

Рахмат поступил на работу в МАЭ (в те годы еще Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР) в 1971 г., с 1972 г. начались его многочисленные экспедиции в Среднюю Азию с целью изучения этнографии таджиков. Уже в следующем, 1973, году Р. Рахимов выезжал вместе с сотрудницей Людмилой Николаевной Суряковой в составе Таджикского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции в Файзабадский, Ленинский, Регирский, Пенджикентский и Айнинский районы Таджикской ССР. Р. Рахимов и Л.Н. Сурякова передали в музей коллекцию предметов (колл. № 6710), в состав которой вошел ряд среднеазиатских сельскохозяйственных орудий (наконечники сошника, мотыги, кирки, клейма, служившие кузнецам для выбивания орнамента на металле). Кроме орудий труда, в эту же коллекцию вошли отдельные предметы утвари — орнаментированный керамический сосуд, орнаментированный медный чайник для заварки и деревянная ложка.

Включение в состав коллекции в основном сельхозорудий не было случайным. В 1970-е годы Рахмат принимал участие в коллективной работе сектора Средней Азии и Казахстана по составлению среднеазиатского этнографического атласа, которая проходила под руководством выдающего ученого-этнографа и историка Татьяны Александровны Жданко. В начале 1970-х годов главным направлением научной деятельности заведующей единого (московского и ленинградского) сектора Средней Азии, Кавказа и Казахстана Т.А. Жданко стала организация исследований и разработки программ для сбора материалов в рамках большого проекта по созданию «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». В рамках этой программы Р. Рахимов должен был подготовить карту распространения традиционных сельскохозяйственных орудий у таджиков. Поэтому во время экспедиции 1973 г. при формировании коллекций он сосредоточил основное внимание на сборе земледельческих орудий.

В эти же годы особое место в сфере научных интересов Рахмата занимало изучение проблем традиционных половозрастных союзов у таджиков. Это

была тема его кандидатской диссертации. Однако ему на время пришлось прервать свои исследования из-за отъезда в заграничную командировку в Афганистан. До работы в музее, с 1966 по 1969 г., он уже работал в этой стране. С 1975 по 1979 г. Р. Рахимов состоял переводчиком Всесоюзного объединения «Техноэкспорт» Министерства здравоохранения СССР в Афганистане. Здесь он собрал обширный материал по различным вопросам этнографии афганцев. В дальнейшем это позволило Рахмату опубликовать ряд статей, посвященных некоторым аспектам этнокультурных явлений афганского общества.

В 1979 г. Рахимов привез в дар музею коллекцию предметов быта афганцев (пуштунов) и нуристанцев (кафиров), собранных им в Афганистане (колл. № 6824). Среди них были, например, ковровая орнаментированная сума, шелковые с серебряным шитьем наволочки, образцы узорной хлопчатобумажной ткани, пуштунская тюбетейка, полотнище для чалмы, деревянные сандалии, кожаные сапоги, набор деревянной посуды, долговые деревянные палочки пекаря (заменявшие письменные записи), покрытые несколькими рядами насечек, сельскохозяйственные орудия труда, кожаный бурдюк для воды, нуристанский лук с двойной тетивой, глиняная маслобойка и другие предметы.

Во время одного из отпусков в процессе длительной заграничной командировки Рахмат защитил кандидатскую диссертацию, а вернувшись окончательно, продолжил исследования в области традиционных социальных отношений у таджиков и возобновил поездки в Среднюю Азию с целью сбора полевых материалов и вещевых коллекций для музея.

По заданию музея Р. Рахимов несколько раз, в 1986–1987 и в 1990-е годы, отправлялся в Среднюю Азию, чтобы закупать коллекции по материальной и духовной культуре городского населения Самарканда, Пенджикента, Ходжента, Бухары, Ура-Тюбе, а также узбеков и киргизов (колл. № 6935).

Эта обширная коллекция включает различные элементы национальной одежды, украшения таджиков, изделия из керамики, меди, декоративную вышивку и войлоки.

В МАЭ вещевые сборы по городскому таджико-узбекоязычному населению Средней Азии, так называемому оседлому населению, составляют почти половину фонда нынешнего отдела Центральной Азии, и они пополнялись начиная с XIX в. В советские годы после образования Узбекской ССР и Таджикской ССР коллекции не сразу стали регистрировать отдельно по народам. Р. Рахимов, собирая предметы преимущественно в Самарканде и Пенджикенте среди таджикского населения, тем не менее умышленно обозначил свою коллекцию в графе «народ» как «городское население Средней Азии». Он понимал, что особенно в таких городах, как Бухара и Самарканд, традиционная культура узбеков и таджиков часто переплеталась и ее трудно было расчленивать.

Рахмат формировал вещевую коллекцию по городскому населению Средней Азии, пытаясь дополнить тематические лакуны фондов отдела. Например,

в музее отсутствовали комплекты свадебных костюмов. Одновременно со сбором предметов национальной культуры таджиков, в частности одежды невесты, интерьера помещения для молодоженов, у Р. Рахимова возникает научный интерес к гендерной тематике, что проявилось в его публикациях, касающихся происхождения паранджи, свадебной обрядности. По всей видимости, поэтому, как коллекционер, он включил в состав своих сборов комплекты костюмов новобрачных, а также убранство их комнаты: вышитые покрывала (*болинпуш* и *руичо*) для подушек и постели, настенные покрывала, орнаментированные разными видами швов — тамбурным и гладью (*зардевол*), занавеску (*сюзане*) из Самарканда.

Свадебная одежда, которую привез Рахмат во второй половине 1980-х годов, была традиционной по форме (праздничная обувь *ичиги*, золотошвейные штаны невесты, платье из парчи, головные уборы — диадема, платок, тубетейка, накидка, а также косоплетки, камзол, набор современных ювелирных украшений), но уже модернизированной, выполненной с использованием современных синтетических тканей и бижутерии.

Как собиратель вещевых коллекций для музея, Рахмат обращал внимание не только на научную ценность предметов, но и на возможность дальнейшего использования данных артефактов в экспозиционной работе. С этой целью он старался собрать максимальное количество комплектов, относящихся к свадебной обрядности. При регистрации своей коллекции Рахмат, увлекшись, порой отходил от формального описания предмета (название, размеры, материал, место приобретения). Например, он привез ведро с крышкой, орнаментированное чеканным растительным орнаментом. Эта вещь декоративна сама по себе. Но только ему, собирателю, было понятно, чем еще может быть примечателен данный экспонат: «Подобные ведра применялись, в частности, — добавляет в описи Р. Рахимов, — для подачи стороной невесты пищи к первому совместному завтраку (после первой брачной ночи) молодоженов. Крышка служила одновременно чашей, из которой ели. Тот, кто с ведром (и пищей) вошел к молодоженам, обычно мать молодухи, улучив момент, заносил ведро в помещение, отведенное для молодоженов так, чтобы они его не видели. Молодожены же, зная обычай, в этот момент просто скрывались в другом помещении. Мать молодухи, оставляя ведро под “чимлик” (свадебной занавески. — В.П.), совала руку под подушку спального ложа молодоженов и забирала оставленные от жениха деньги и спешно возвращалась домой» [МАЭ. Опись колл. № 6935: 54].

Другой пример. Вроде бы неприметная деревянная ложка русской работы, лакированная, фабричного производства, орнаментированная разноцветным растительным орнаментом. По сведениям Р. Рахимова, во второй половине 1980-х годов в Самарканде подобные ложки подвешивались «с помощью шнура свадебной занавеси (“чимлик”) за черенок с боку чимлика черпаком

вниз. Смысл обычая: чтобы будущая супружеская пара не испытывала недостатка, например в пропитании» [МАЭ. Описание колл. № 6935: 56].

В числе разносторонних научных интересов Р. Рахимова были и вопросы, связанные с религиозной практикой оседлого населения Средней Азии, раскрывавшие своеобразие местного ислама. Так, когда он увидел глубокую медную чашу *тоси чилкалит*, он не мог не приобрести ее. Чаша имеет отогнутые края, полую выпуклость в доньшке и украшена кораническими молитвами, выполненными арабской вязью. В перевернутом виде чаша напоминает усеченный конус. Рахмат обратил на нее внимание и сообщил в описи, что «подобные чаши применялись в ритуальных целях. Например, если женщина была бесплодной или вообще ее преследовали неудачи, что считалось следствием воздействия на нее “дурного глаза” и злых сил, она шла либо в баню, либо у себя дома сорок раз поливала себе на голову и тело воду, черпая ее этой чашей, при этом всякий раз, прежде чем обливаться водой, она произносила молитву, почему чаша и называется “тоси чилкалит”, то есть “чаша с сорока ключами”, для открытия заболеваний или отстранения нечистей. В этом смысле выражение “тоси чилкалит” можно перевести на русский язык как “чаша от сорока болезней”. Ключи (“калид”) обычно прикреплялись в сквозное отверстие усеченного купола в донце чаши» [МАЭ. Описание колл. № 6935: 55]. Прежде в собраниях МАЭ такой чаши не было, ее описание и обряда, в котором использовали емкость, встречалось лишь в литературных источниках.

В эту же коллекцию входят разнообразные современные изделия из глины — лепные статуэтки (фигурки Ходжи Насреддина, музыкантов, животных, мифических существ), блюда, подсвечники, свистульки, декоративные кувшины, чаши, пепельницы).

На протяжении всей своей научной деятельности Рахмат периодически обращался к изучению проблем этнопедагогики. Это проявилось в его статьях о традиционном начальном школьном обучении детей у народов Средней Азии конца XIX — начала XX в., о воспитании детей в таджикской семье [Рахимов 1991, 1998] Плановая, систематическая работа по изучению своеобразия детского быта и отличий его от быта взрослого в отечественной этнографической науке началась лишь в советские годы, с 1927 г., когда при Русском географическом обществе была учреждена Комиссия по детскому фольклору, быту и языку. Но среднеазиатская тематика в ее работе не была затронута. Только в 1990-е годы Р. Рахимов сделал предметом специального изучения детскую таджикскую обрядность и связанную с ней семантику восточной колыбели.

Научное ориентирование на вопросы этнопедагогики можно проследить и по коллекциям Рахмата. Еще в состав своей первой коллекции 1973 г. он включил деревянную игрушку — колыбель (*гахворача*), выполненную в Пенджикенте, в состав афганской коллекции — детский хлопчатобумажный нагрудник с геометрическим орнаментом.

В 1986 г. Р. Рахимов привез, а затем передал в дар музею небольшую коллекцию. У Джумаева Муллоафзала, жителя его родного кишлака Мазари Шариф Пенджикентского района, он приобрел традиционный мужской матерчатый, вышитый шелком пояс (*камарбанд/миенбанд*) фабричного производства. Остальные предметы коллекции — детские халатики, образцы детского рукоделия и игрушку-колыбельку, которые обычно делали девочки, — он собрал в кишлаке Магиан Ленинабадского района Таджикистана.

Вещевые сборы Рахмата Рахимова, несомненно, обогатили фонды музея, особенно комплектами предметов, связанных со свадебной обрядностью таджиков. Однако вызывает сожаление и удивление тот факт, почему такой наблюдательный исследователь, как Рахмат, на протяжении нескольких десятилетий выезжавший в экспедиции в Среднюю Азию, активно фотографировавший во время полевой работы (в некоторых случаях использовавший свои снимки в качестве иллюстраций к публикациям), не передал в МАЭ ни одной фотоколлекции. Теперь, когда его нет с нами, кадры, выполненные в разные годы, запечатлевшие моменты его работы, эпизоды из современной жизни и фрагменты уходящего традиционного уклада, останутся невостребованными. Без аннотации собирателя снимки теряют значение как этнографический источник.

Источники

МАЭ РАН. Опись коллекции № 6935.

Библиография

Рахимов Р.Р. Воспитание детей в таджикской семье // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991.

Рахимов Р.Р. Дети: путь просветления (К проблеме традиционной этнопедagogики таджиков) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998.